

А. П. Гольшев

**ПИФАГОРЕЙСКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ П. А. ФЛОРЕНСКОГО**

Рассматривается сплав аритмологии Н. Бугаева, монадологии Г. Лейбница, дополненные теорией множеств Г. Кантора, как методологическое основание учения П. А. Флоренского о государстве будущего, позволившее русскому философу создать целостный социально-философский проект, – квинтэссенцию становления новой культуры, где неразрывно между собой связаны судьбы конкретного человека и государства. Люди в будущем государстве есть единицы, пифагорейские числа или монады, которые ценны не сами по себе, а как часть целого множества, возглавляет данное множество-государство первомонада-герой, наделенный теургической благодатью вершить судьбы людей. Роль Флоренского – это роль «социального инженера», выстраивающего концепцию благого государства, материалом же для этой социально-математической конструкции является человек.

This article considers the amalgamation of N. Bugaev's arrhythmology and G. Leibnitz's monadology supplemented by G. Cantor's set theory as the methodological basis of P. A. Florensky's teaching on future state, which made it possible for the Russian philosopher to create a holistic social and philosophical project – the quintessence of development of a new culture, where the fate of a person and the state are indivisible. In the future state, people are units, Pythagorean numbers, or monads that have value not by themselves, but as parts of the whole set; this set-state is dominated by the supreme monad-hero vested with the theurgic grace of deciding the fates of people. Florensky plays the role of a "social engineer" who develops the concept of a good state, whereas the human being serves as material for this social and mathematical structure.

Ключевые слова: государство, аритмология, монада, теория множество, число, революция, новая культура, энтропия.

Key words: state, arrhythmology, monad, set theory, number, revolution, new culture, entropy.

П. А. Флоренский является одной из самых загадочных фигур отечественной культуры первой половины XX в. Кто он? Священник, философ, физик, маг или колдун, строгий ученый-математик или тоталитарный утопист-реформатор? В данной статье предпринята попытка рассмотреть пифагорейско-математическую составляющую философского наследия Павла Флоренского в связи с его проектом предполагаемого государственного устройства в будущем на переходе от уровня теоретических спекуляций к их прикладному применению в рамках строительства нового государства.

Уже с детства у Флоренского формируется цельная картина мира, главным вопросом становится поиск и познание универсальных инвариантных принципов мироустройства. В гимназические годы он пытается найти ответы с помощью «общечеловеческой религии» Л. Н. Толстого, но настоящим шагом к выстраиванию всеохватывающей картины оказывается поступление в 1899 г. на физико-математический факультет Московского университета. Именно здесь благодаря математической аритмологии Н. В. Бугаева у Павла Александровича «выросло и утвердилось коренное убеждение, что все возможные закономерности бытия уже содержатся в чистой математике как первом конкретном, а потому доступном использованию, самообнаружении принципов мышления — то, что можно было бы назвать математическим идеализмом; и в связи с этим убеждением явилась потребность построить философское миропонимание, опирающееся на углубленные основы математического познания» [1, с. 266].

Аритмология Бугаева покоилась на двух столпах: библейской мудрости — «Ты все расположил мерою, числом и весом» и пифагорейства — «Все есть число». Основа аритмологии — идея прерывности, «зернистости», которая противопоставляла себя царившему тогда аналитическому мирозерцанию, главными характеристиками которого выступали: наличие непрерывности во времени и пространстве, постоянство в законах природы, возможность познать целое по его элементарным час-

тям, дать прогноз о том, что будет в будущем и восстановить то, что было в прошлом. Среди ярких примеров можно выделить принцип детерминизма в физике, биологическую эволюцию, различные теории общественного прогресса. В конце XIX в. господствовало мнение, что с помощью аналитического мировоззрения можно объяснить все возможные явления. Но Бугаев приводит в пример те явления, которые невозможно исследовать с аналитических позиций, а именно действия конкретных личностей, обладающих свободой воли и целеполаганием, это та самая область, где события и процессы на первый взгляд случайны и необычны. «Истина анализа отличается общностью и универсальностью, а истины аритмологии носят на себе печать своеобразной индивидуальности» [2, с. 701], соответственно, «в мире господствует не одна достоверность, но также имеет место и вероятность» [2, с. 714]. Бугаев — своеобразный неопифагорец, который стремится сделать этот мир счетным, ввести число и меру в области воли, чувств и рефлексии. Согласно позиции сторонников аритмологии, мир развивается не только по эволюционному пути, но и через смену культурно-исторических типов, при помощи революций, переворотов, мировых катастроф.

Если рассмотреть аритмологию на отдаленном расстоянии, то можно увидеть мозаики или «зерна», по выражению Бугаева, вычленив каждую мозаику, можно понять их несвязность между собой и неспособность сложиться в полноценную картину в области рассудка. Но возникает необходимость объединяющей скрепы, первопричины, творца, которым и является Бог:

Нужно преодолеть самодовольство рассудка, порвать магический круг его конечных понятий и вступить в новую среду — в среду сверхконечного, рассудку недоступного и для него нелепого [3, с. 516].

Если у Бугаева именно закон сохранения энергии препятствовал развитию космизации (упорядочивания) мира, то у Флоренского это борьба принципов эктропии (Логос) и энтропии (Хаоса), из-за этого аритмология проникнута духом антиномизма «...только антиномии и можно верить; всякое суждение неантиномичное просто признается или отвергается рассудком» [3, с. 147]. В основе данного убеждения лежит мнение, что «мир надтреснут, и мы не можем на деле уничтожить трещин его, то и не должны их прикрывать» [3, с. 157]. Источником данной аритмологичности и антиномичности мира служит грех. «Если есть грех... то все наше существо, равно как и весь мир, раздроблены» [3, с. 159]. Благодаря этому Флоренский без видимых сомнений определяет космическое как божественное, космос для него и есть тот простор, который открыт человеку Богом. Космическое начало — это «лад и строй», противостоящие анархии, беспорядку, хаосу. Провозвестником космического начала является человек, но не каждый человек этого достоин, а только тот, кто обладает «устроенной душой», которая противостоит людям с «душой праздно-хаотичной», о такой дифференциации людей Флоренский пишет в «Столпе и утверждении истины», но уже в «Лекциях по электротехническому материаловедению»

вводится инструментарий поиска «устроенности души» с помощью специальных психотехнических лабораторий, а философско-богословские утверждения о человеке как вместилище борьбы логоса и хаоса превращаются в прикладную политику будущего государства в области кадров.

Главный и основной атрибут аритмологии как Бугаева, так и Флоренского — монадология. Впервые понятие монады ввел Готфрид Лейбниц, для него это простая субстанция, важнейшими характеристиками которой являются отсутствие делимости, протяженности, телесности. Монады обладают душой, которая активна и способна к саморазвитию. Все монады автономны и независимы, оставаясь в гармонии между собой, они также находятся в перманентном движении и взаимопроникновении, одна может переходить в другую:

...все в универсуме связано таким образом, что настоящее таит в себе в зародыше будущее, и всякое настоящее состояние естественным образом объяснимо с помощью другого состояния, ему непосредственно предшествующего. Отрицать — это значит допускать в мире существование пустых промежутков... отвергающих великий принцип достаточного основания и заставляющих нас при объяснении явлений прибегать к чудесам или к чистой случайности [4, с. 210].

Во главе монадного плюрализма — «первомонада», но она исполняет деистическую функцию, дает монадам энергичную возможность субстанциального существования, не вмешиваясь в дальнейшую деятельность. Бугаев же вводит структурированность в учение о монадах, создает различные порядки и уровни сложности монад, что одновременно привносит разрывность в лейбницевское учение о монадах. Также теперь монады не проникают друг в друга, а «вступают во взаимные отношения» [5, с. 31], в которых Бугаев выделяет два закона: инерции (монада не может изменить своего состояния без отношения с другими монадами) и солидарности (монады могут развиваться только тогда, когда вступают в соотношение с другими монадами). Для Флоренского достижения аритмологии и монадологии — это торжество бытия, которое предоставляет ему возможность двигаться по особому пути:

...эта индивидуальная расчлененность мира, его счетность занимает все больше места в рождающемся ныне миропонимании... современная мысль возвращается к... моментам, чертам, мгновениям и тому подобной древней и средневековой философии [6, с. 518].

Необходимо подчеркнуть, что как для Флоренского, так и для Бугаева монадология и пифагореизм слиты между собой и порой даже неразличимы. Даже на этимологическом уровне для Пифагора основным понятием его учения выступает единица, которая на древнегреческом языке означает «монах» или монада. Аристотель в «Метафизике» пишет о числах Пифагора как об отдельных сущностях, которые являются первопричиной вещей, называя их числами-эйдосами.

Числа Пифагора — это не современное понятие числа, измеряющего количественное значение и служащего только для счета, они состоят

из единиц-монад, обладающих конкретностью, телесностью (не материальность, а структурированность), одушевленностью, энергичностью. Именно в единицах-монадах находится та сила, которая может как соединять их в целое, так и разъединять, придавая им определенные свойства.

Флоренский дополняет бугаевскую монадологию теорией множеств Георга Кантора, именно она позволила ему в дальнейшем говорить о соединении едино-сущего и разнo-ипостасного:

...в тех духовных состояниях, о которых идет речь, ничто не теряет своей индивидуальности; все воспринимается как внутреннее, органически связанное друг с другом, как спаянное свободным подвигом самоотвержения, как внутренне цельное — одним словом, как много-единое существо. Все едино-сущно и все разнo-ипостасно [3, с. 324].

43

Почему же Флоренский использует теорию множеств в своей философии? Она была создана Г. Кантором в XIX в. и сыграла значительную роль в развитии математики. Главной категорией является «множество»:

...под многообразием или множеством я понимаю вообще всякое многое, которое можно мыслить как единое, то есть всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона... [7, с. 101].

Для Кантора множество — это своего рода «цельная единая вещь». Соответственно, множества элементов сочетаются в одну единицу, которое и есть множество. Именно инструментарий теории множества будет использовать в своей монадологии Павел Флоренский, *описывая с помощью данной теории, как простые монады складываются в сложную, образуя новую монаду-единицу.*

Будущее государственное устройство Флоренский также выстраивает согласно постулатам своей аритмологической монадологии: с одной стороны, личность обладает полной свободой и независимостью, а с другой — она поставлена в четко структурированную иерархию, при которой будет возможна реализация умений и навыков человека с «наивыгоднейшей для государства стороны». Государственный аппарат также строго встроен в существующую иерархию, формируясь «сверху вниз, а не снизу вверх» [8, с. 15], что дает возможность исключить выборы и назначать необходимых должностных лиц. А венчает данную конструкцию первомонада-герой, творец новой культуры, фактически ницшеанский сверхчеловек, обладающий волей к власти, который на основе «своей интуиции, пусть и смутной, должен ковать общество» [8, с. 11].

Флоренский в сплаве идей аритмологии, монадологии и теории множеств видел необозримые перспективы для творчества. Он пишет о наступлении новой культуры, которая воплотит идею, заложенную Пифагором, — создание строгой теории, отражающей в себе с помощью исчислений все области знаний. Именно тогда философия превратится в «универсальную математику» Декарта или «универсальную характеристику» Лейбница, способную решить все существующие споры, проблемы, вопросы с помощью вычисления.

В основе новой философии должна лежать «идея группы»:

...всякий, начинающий строить свое мирозерцание, желающий дать рациональные схемы, должен иметь в виду сказанную идею группы, и, можно утверждать, тогда только философ приступает к собственно философской работе, когда он отчетливо создает эту идею [10, с. 533].

Далее П. А. Флоренский пишет:

Основная математическая идея — идея группы — относится ко всему тому, в чем сознание производит синтез множественности в единство; уже этот синтез, будучи основной функцией сознания, делает математику как науку о группах применимой повсюду, где только функционирует сознание [10, с. 534].

Данный метод для него универсален, он применяет его повсеместно для объяснения различных положений своей философии. В разделе «Макрокосм и микрокосм» спецкурса 1917 г. «Из истории философской терминологии» Флоренский утверждает:

И природа и человек бесконечны; и по бесконечности своей, как равно-мощные, могут быть частями самих себя, причем части равно-мощны между собой и с целым [11, с. 233].

Аналогичную схему он использует при описании будущего государственного строя (соответственно, вместо природы выступает государство):

Государство есть целое, охватывающее своей организацией всю совокупность людей. Построить разумное государство — это значит сочетать свободу проявления данных сил отдельных людей и групп с необходимостью направлять целое к задачам, неактуальным индивидуальному интересу, стоящим выше и делающим историю [8, с. 7].

На историю у о. Павла тоже особый аритмологический взгляд, в исторической науке необходим подход, основанный на теории вероятности и понятии «математическое ожидание», без которых любой специалист в области истории наивен, важно не само знание, а его количественное выражение степени знания, с помощью которого можно однозначно понять свершившийся факт:

Должно решительно отказаться от каких-либо пререканий с ним (тот, кто непреклонно что-то доказал) до тех пор, пока он, хотя бы элементарно, не проштудирует теорию вероятностей — этого «самого величественного из созданий ума» [3, с. 546].

Важно то, что в отличие от аналитики познание в аритмологии носит индивидуальный и субъективный характер, это предполагает уход от понятийности и возвращение к вещам в акте любви-эроса (в эпиграфе к «Столпу и утверждению истины» приведены слова Григория Нисского: «познание дается любовью»). У Павла Флоренского безличный компонент знания сведен к минимуму, то есть мир является живым и сам подстраивается под конкретного человека, открываясь ему про-

порционально вложенным усилиям в рамках познания. Но тут встает вопрос о роли и месте каждого, в соответствии с личными возможностями познания и открытости мира.

Но, читая «Мнимости в геометрии», кажется, что у Флоренского возможности познания безграничны. Главная задача этой книги — расширить область существующих представлений о пространстве, включив описание мнимых (идеальных) образов. Мало того что пространство неоднородно, оно индивидуально. Классическая геометрия Евклида для Флоренского — одна из множества частных геометрий, которые благодаря аритмологии в будущем будут доступны для понимания и изучения. Также о. Павел пытается сравнить два мира — существующий мир и мир платоновских идей, объясняя, что возможен переход между ними, правда, только после преодоления скорости света, но сам факт остается фактом: для Флоренского мир платоновских идей реально существующий и достижимый.

Также возможен переход из области реальной в область мнимую благодаря разлому в пространстве и выворачиванию тела через самого себя, правда, это также возможно при достижении скорости света, но Флоренский не отрицает и другие пути, которые пока не изучены.

При отдаленном рассмотрении можно понять, что благодаря аритмологии Флоренский создал необходимую методологическую платформу для объяснения *своей* роли и функций в религиозно-философском мире, а именно преображении окружающего мира и прихода другого типа культуры. Именно аритмология показала аналитичность, иллюзорность и недееспособность существовавшей культуры: «Наука учит не бодрой уверенности знания, а доказательству бессилия и необходимости скепсиса; автомобилизм — к задержке уличного движения, избыток пищевых средств — к голоданию, представительное правление — к господству случайных групп и всеобщей продажности, пресса — к лжи; судопроизводство — к инсценировке правосудия...» [8, с. 10]. Согласно Флоренскому, мир надтреснут, человек грешен, наука не продуктивна, соответственно, нужна новая культура, новый эон. Вот почему в своем произведении «Предполагаемое государственное устройство в будущем» он пишет не просто о государстве, а внимательно рассматривает каждую сферу жизнедеятельности. Для него предполагаемое государство это пример авангарда новой культуры, нового, доселе не существовавшего типа человеческого общества. Из-за этого он без особых колебаний принимает революцию (мир согласно аритмологии движется не только эволюционным путем), не покидает Россию, разворачивает полноценную творческую научно-техническую деятельность, для Флоренского нет разницы что изучать и чем заниматься, так как мир в его философии цельный и единый, существующий по универсальным принципам. Поэтому в работе «Электротехническое материаловедение» и последующих лекциях о. Павел не упоминает о технической стороне данной дисциплины, это для него второстепенно, вся книга посвящена объяснению принципов новой культуры, а электротехническое материаловедение и есть ее воплощение, которое было недоступным в существовавшей до этого культуре.

Был ли Флоренский одинок на пути технизации социального бытия? С очевидностью можно сказать, что нет, Павел Александрович движется в колее, заложенной философами-математиками Московской философско-математической школы, но и об исключительной оригинальности его учения о государстве как провозвестнике новой культуры тоже можно говорить лишь с натяжкой. Достаточно вспомнить Николая Фёдорова с его теургически-техницистским государством или Евгения Замятина с его антиутопией «Мы».

Антиутопия Замятина и государство Флоренского по структуре очень схожи между собой, оба государства имеют неопифагорейское основание, все подчинено строгости математики, человек в этом государстве — винтик большого механизма. Оба с воодушевлением приняли революцию, для обоих это было подтверждение истинности их идей, для Флоренского — это верность аритмологической идеи, теории относительности, закона энтропии, в результате чего возможен переход к новой культуре, для Замятина — возможность появления новой жизни:

...багров, огненен, смертелен закон революции, но это смерть — для зачатия новой жизни, звезды. И холоден, синь, как лед, как ледяные межпланетные бесконечности, закон энтропии. Пламя из багрового становится розовым, ровным, теплым, не смертельным, а комфортабельным; солнце стареет в планету, удобную для шоссе, магазинов, постелей проституток, тюрем: это — закон. И чтобы снова зажечь молодостью планету — нужно зажечь ее, нужно столкнуть ее с плавного шоссе эволюции: это закон [12, с. 118].

Революция для Замятина, как и для Флоренского всюду:

...во всем она бесконечна, последней революции нет, нет последнего числа, она бесконечна... Революция социальная — только одно из бесчисленных чисел: закон революции не социальный, а незримо больше космический, универсальный закон (universum) — такой же как закон сохранения энергии, возрождения энергии (энтропии). Когда-нибудь установлена будет точная формула закона революции. И в этой формуле — числовые величины: нации, классы, молекулы, звезды — и книги [12, с. 118].

По этому пути идет и Павел Флоренский: построение универсальной всеохватывающей системы ценностей, изменение гносеологической структуры, создание новой онтологии, преобразование общества. В письме о сохранении памятников культуры после революции Н.П. Киселеву философ пишет: для ищущих духовной культуры и ждущих расцвета духовного знания, нового и вечного, верящих и утверждающих наступление новой эры культуры, нового исторического эона, амбирчики и архивчики, конечно, почти ничто в сравнении с этими вселенскими задачами [13, с. 31].

Флоренский не делил знание на религиозно-метафизическое и технически-конкретное, он был одновременно на двух противоположных полюсах, центрируя философию своей фигурой. Себе он отводил роль

провозвестника новой культуры, который должен был указать новый путь. Но важен тот факт, что для Флоренского проект государства был прикладным, он не оставлял надежды его осуществить, а для Замятина это всего лишь антиутопия, продолжение утопической традиции, с концентрацией на ее негативные черты. Для Флоренского, как и для Платона, необходимо построить общество так, чтобы все были счастливы, но главной составляющей остается именно государство, если счастливо и благополучно государство, то тогда обязательно счастлив и благополучен каждый его подданный, так как целое больше его части, и благополучие государства важнее его отдельно взятого члена. Хотя Флоренский делает попытки в некоторых главах «Предполагаемого государственного устройства в будущем» соединить благо человека с благом государства, но даже по конструкции изложения видно, что «Левифан» превыше всего. Замятин же в своем романе смотрит на государство глазами его простого члена, винтика большого механизма, который родился в этом государстве и был в нем воспитан, у него даже нет имени, а есть только порядковый номер. Счастье и благо этого человека отнюдь не первостепенная задача государства.

Именно в этом для исследователя интересен о. Павел Флоренский, который на протяжении своей творческой жизни пытался выстроить вопреки собственной склонности к антиномичности цельное универсальное мировоззрение, которое возможно было применить к любой из областей философии, богословия или науки. Безусловно, важнейшим, центрирующим звеном в этой конструкции была именно аритмология, позволившая ему предложить реалистичную модель нового общества-государства и возможные пути и средства его осуществления.

Список литературы

1. Андроник (Трубачев), иеродиакон. К 100-летию со дня рождения свящ. Павла Флоренского (1882—1943) // Богословские труды. М., 1982. Сб. 23. С. 264—310.
2. Бугаев Н. В. Математика и научно-философское мирозерцание // Вопросы философии и психологии. 1898. №45. С. 697—717.
3. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1989.
4. Лейбниц Г. В. Два отрывка о принципе непрерывности // Соч. : в 4 т. М., 1982. Т. 1. (Филос. наследие; т. 85).
5. Бугаев Н. В. Основные задачи эволюционной монадологии // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 2 (17). С. 26—44.
6. Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. 1971. №5. С. 513—521.
7. Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985.
8. Флоренский П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем : сб. арх. материалов и ст. М., 2009.
9. Флоренский П. А. Вступительная статья «От переводчика» к переводу «Кант И. Физическая монадология». Отд. оттиск // Богословский вестник. 1905. Т. 3, №9. С. 1—5.
10. Флоренский П. А. О типах возрастания // Там же. 1906. Т. 2, №7. С. 530—568.

11. *Флоренский П. А.* Микрокосм и макрокосм // Богословские труды. М., 1983. Сб. 24. С. 230–241.
12. *Замятин Е.* Избранное. М., 2009.
13. *Флоренский П. А.* Сочинения : в 4 т. М., 1996. Т. 2. (Филос. наследие; т. 124).

Об авторе

Александр Павлович Гольшев – асп., Казанский федеральный университет.
E-mail: sasha.ksu@gmail.com

About the author

Alexander Golyshev, PhD student, Kazan Federal University.
E-mail: sasha.ksu@gmail.com